

63.3(2)612
Ю20
СА-407685

16+

Леонид Юзефович

Зимняя дорога

Генерал
А. Н. Пепеляев
и анархист
И. Я. Строд
в Якутии.
1922–1923

ЦЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Юзефович

Зимняя дорога

Генерал А. Н. Пепеляев
и анархист И. Я. Строд в Якутии
1922–1923

Документальный роман

Издание 3-е, исправленное
и дополненное

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ
МОСКВА

589910407685

СОДЕРЖАНИЕ

К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

<i>Предисловие к третьему изданию</i>	7
Расставание	15
Мужицкий генерал	24
Анархист из Люцина	37
Эсер и корнет	47
Дух упований	56
Нина	64
Отплытие	75
В Аяне. Новости	86
В Аяне. Сомнения	99
Белое и зеленое. Джугджур	107
Измена	117
Голод	128
Отчаяние	138
В Якутске. Миссия Строда	147
Один, совсем один	157
Разговор с мертвыми	166
Сон о Лаврике	176
Лисья поляна	185
В крепости	197

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Десять лет назад, когда я еще не закончил эту книгу, журнал «Вокруг света» предложил мне прилететь из Москвы в Хабаровск, из Хабаровска — в порт Аян на Охотском море, а оттуда, вместе с фотографом, на машине проделать тот тысячеверстный путь, который в 1922–1923 годах Сибирская добровольческая дружина генерала Анатолия Пепеляева при страшных морозах прошла пешком, прежде чем в якутском селении Сасыл-Сысы встретиться с бойцами анархиста и красного командира Ивана Строда. По независящим, как говорится, от меня обстоятельствам экспедиция не состоялась, и на место описанных мной событий я попал лишь осенью 2021 года.

От Якутска до Сасыл-Сысы — двести километров, из которых всего сорок заасфальтированы, и две паромных переправы, через Лену и Амгу. Мы ехали одиннадцать часов, и под конец пути ясно стало, что добраться до цели засветло не удастся — осень, темнеет рано. Я расстроился, но когда наконец наш караван остановился возле этого абсолютно безлюдного, священного и в то же время проклятого места, и фары поставленных в ряд двух джипов, уазика и минивэна выхватили из темноты высокую, припорошенную снегом, сухую октябрьскую траву, а над ней — черно-серые бревенчатые стены с пустыми проемами окон, я перестал жалеть, что по дороге мы застряли в грязи и два часа ждали, пока нас выта-

щит грейдер. Ночь обострила все чувства, и впечатление стало незабываемым.

Красноармейцы превратили в крепость два дома крестьянской усадьбы якута Карманова, летний и зимний. Первый, с отверстиями от пуль в столетних бревнах, в неприкосновенности сохранился со времен осады, второй в 1990-х сгорел дотла, но жители соседней Амги восстановили его в прежнем виде. Для них это место — не историко-революционный памятник, а что-то вроде святилища. По якутскому обычаю мы покормили тремя оладьями призрачный огонь в полуразрушенном камельке летнего дома, и тут снаружи раздались радостные возгласы — оказалось, над Сасыл-Сысы пролетели два отставших от стаи диких гуся. Мои спутники увидели в этом знак, что здешние духи благосклонно отнеслись к нашему появлению в их вотчине.

Неподалеку, на поляне, похоронены те погибшие здесь белые и красные, чьи обледенелые тела вместе с брусками мерзлого навоза и конскими трупами составляли окружавшую эти два дома адскую баррикаду, за которой укрывались красноармейцы, и которую штурмовали пепеляевцы. Молодой человек из Абаги, большого села в шести километрах отсюда, махнул рукой куда-то в темноту, показывая мне, где примерно они лежат, и сказал, что ночами, в тихую погоду, тут слышны выстрелы.

«Мертвые продолжают сражаться друг с другом?» — спросил я.

Он сделал неопределенный жест и не ответил.

Август 2022

РАССТАВАНИЕ

1 В августе 1996 года я сидел в здании Военной прокуратуры СибВО в Новосибирске, на Воинской, 5, читал десяти томное следственное дело белого генерала Анатолия Николаевича Пепеляева. За год до моего приезда оно было передано туда из ФСБ по заявлению его старшего сына, Всеволода Анатольевича, просившего о реабилитации отца¹. Такие заявления поступали тогда тысячами, у работников прокуратуры просто руки не доходили рассматривать их в установленные сроки. Выдавать следственные дела посторонним не полагалось, но в те годы служебные инструкции легко нарушались не только ради корысти.

Начальство в лице двух полковников надо мной сжалилось, узнав, что только ради этого я и прилетел из Москвы.

Я сидел в проходной комнате, а за фанерной переборкой рядом с моим столом находился кабинет одного из следователей, не слишком молодого для своего звания капитана. Иногда

¹ Где находится это дело, сообщил мне мой старинный друг, историк, создатель мемориального музея “Пермь-36” Виктор Шмыров, и он же оплатил мне билеты в Новосибирск. В то время на такую поездку денег у меня не было. Благодаря также Т.Ю.Сибгатулину, С.С.Виленского, В.Л. и И.В.Пепеляевых, Р.С.Агаркова, К.Ю.Бурмистрова, Е.Г.Калкаева из Москвы, Т.И.Быстрых и А.В.Кудрина из Перми, Ю.Н.Пепеляева из Черногорска в Хакасии, В.Дзевалтовского и И.Матвеевко из Лудзы в Латвии, О.Г.Сидорова и В.И.Пестерева из Якутска и всех, чьей бескорыстной помощью я пользовался. Особая благодарность — Леониду Геннадьевичу Капустину из Мурома, который обратил мое внимание на ряд ошибок, имевшихся в первом издании этой книги, и оказал мне большую помощь при подготовке второго.

МУЖИЦКИЙ ГЕНЕРАЛ

1 В анкетах, в графе о происхождении, Анатолий Николаевич Пепеляев указывал: “Из дворян”, но дворянство было недавним; дед по отцу, закончивший жизнь полицмейстером в Барнауле, происходил из “солдатских детей”. Внук родился 3 (15) июля 1891 года в Томске, в семье пехотного капитана (под конец жизни — генерал-майора) Николая Михайловича Пепеляева и купеческой дочери Клавдии Георгиевны, в девичестве Некрасовой. Из их двенадцати детей выжило семеро; Анатолий по старшинству — четвертый, а из пяти мальчиков — третий. Первенец Виктор, впоследствии известный кадет, депутат IV Государственной думы, последний председатель Совета министров Омского правительства, был расстрелян вместе с Колчаком. Юрист по образованию, в молодости он преподавал историю в женской гимназии, сестра Вера тоже стала учительницей, Екатерина — актрисой, Аркадий — врачом, Анатолий и Михаил пошли по стопам отца, а младший, Логгин, до своей гибели в бою с минусинскими партизанами в 1919 году нигде, кроме кадетского корпуса, поучиться не успел.

Анатолий Пепеляев окончил Омский кадетский корпус и Павловское пехотное училище в Петербурге, служил в 42-м Томском стрелковом полку под командой собственного отца. С 1914 года — на фронте, командовал полковой разведкой, батальоном, был ранен, награжден восемью орденами, включая Святого Георгия 4-й степени. Февральскую революцию встретил, по его словам, с надеждой, что она “сметет рутину бюро-

кратизма, обновит государственный механизм и выведет Россию на путь культурного развития”¹.

Незадолго до начала Первой мировой войны его старший брат Виктор, выступая в Думе, сказал: “Только культурные народы выйдут целыми из европейской катастрофы, если истории суждено пройти через нее”.

Россия — не вышла. Власть досталась большевикам, начались мирные переговоры с Германией, и Пепеляев вернулся в родной Томск. Охранял лагерь военнопленных, а когда их освободили, “жил частным заработком”. Каким конкретно, он не уточнял. Однажды встретил в городе старого знакомого, полковника Сумарокова. Тот спросил: “Ты что, не в организации?” Получив недоуменный ответ, рассказал, что стоит во главе созданной под патронатом сибирских областников (сторонников автономии Сибири) подпольной офицерско-студенческой организации. Пепеляев стал ее членом, а после того, как Сумарокова “сместили за монархизм”, и руководителем. Он называл себя подполковником, хотя формально был капитаном: при Керенском его представили к подполковничьему чину, но извещение о производстве Пепеляев получить не успел. Впрочем, это обычная практика тех лет: офицеры считали себя имеющими право на тот чин, к которому были представлены на фронте.

В мае 1918 года вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса. В Новониколаевске местный Совет был свергнут с помощью чехов, среди которых сразу выделился капитан Радола Гайда, он же Рудольф Гейдль, полунемец-полусерб, после окончания гимназии в Чехии обнаруживший в себе “чешское сердце”. Попытка Пепеляева поднять восстание в Томске провалилась, но на следующий день большевики сами покинули город. “Для дальнейшей борьбы” Пепеляев собрал отряд из товарищей по подполью и объявил запись добровольцев. К осени его отряд

¹ Все приводимые в этой главе и в главе “Дух упований” слова Пепеляева взяты из его рассказа о себе, написанного в советском плену 5 июля 1923 года и представляющего нечто среднее между исповедью и автобиографией (Архив УФСБ РФ по Новосибирской области, д. 13069, т. 1, л. 18–27 об.).

ЭСЕР И КОРНЕТ

1 11 июля 1905 года тридцатичетырехлетний дворянин, уроженец Новгородской губернии Петр Александрович Куликовский, бывший преподаватель Сергиевского училища в Санкт-Петербурге, эсер, член Боевой организации, под видом просителя явился в приемную московского градоначальника Шувалова на Тверском бульваре и в упор убил его тремя выстрелами из револьвера. Убийцу приговорили к повешению, но после поданного на высочайшее имя прошения о помиловании смертную казнь заменили пятнадцатилетней каторгой. Шесть лет Куликовский провел в Акатуйской и Зерентуйской каторжных тюрьмах, в 1911 году по амнистии вышел на поселение в Якутскую область, служил в фирме иркутской купчихи Анны Громовой, меценатши и покровительницы ссыльных¹.

Принадлежавшие ей пароходы ходили по Лене, Алдану, Вилюю, Мае, на них Куликовский объездил всю Якутию. Его статьи появлялись в газетах, но кумиром интеллигентной молодежи он стал благодаря тому, что увлеченно ставил любительские спектакли с учениками реального училища и студентами учительской семинарии. Они собирались у него на квартире, пили чай, обсуждали прочитанное. Куликовский жил один, жена с двумя детьми осталась в Парголово под

¹ Она, в частности, финансировала полярную экспедицию на шхуне “Заря”, в которой участвовал молодой Колчак. На ее средства был основан музей в Якутске, издан фундаментальный труд Вацлава Серошевского “Якуты”.

нике многословных и, в общем-то, маловразумительных lamentаций прост: жизнь сложилась не так, как хотелось в молодости. Ранняя женитьба, нелюбимая служба и невозможность выйти в отставку из-за войны и революции помешали его мечтам осуществиться, его дарования не раскрылись, настоящей любви он не испытал, счастья нет и не будет, и уже ничего нельзя изменить: он — раб долга, только смерть положит этому предел. Банальная мысль о ее неизбежности потому и потрясает его, что рождена внезапным ночным предчувствием: он умрет здесь, в Якутии.

Через неделю наступило Рождество, в нельканской церкви Благовещения прошло праздничное богослужение. Священник Аммосов, убедившись, что пепеляевцы не обижают его паству, давно сменил гнев на милость, принуждать его к исполнению пастырских обязанностей больше не приходилось. После службы Пепеляев вернулся в свою комнату при штабе — со столом и с лампой, как он хвалился Нине Ивановне, — и записал: “Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение — этими словами и звуками полна душа... Только что пришел из нашей церкви. Тускло, хотя и по-праздничному, освещен храм, кругом бедность, а сколько во всём чувства — как молятся! Может, к лучшему Бог дал людям эти страдания? Сколько беспредельной тоски!”

И, оттолкнувшись от предпоследней фразы, продолжил: “Часто бывает чувство желания пострадать. За что? За всё! За всё!.. А все-таки каждый день молюсь. Что-то впереди? Страшно смотреть — полная неопределенность, уверенности нет”.

Между тем авангард Рейнгардта уже двигался к центру Якутии. В ближайшие дни за ним должна была последовать вся дружина.

Через десять лет Вишневский напишет: “Несмотря на в высшей степени неблагоприятную обстановку, как политическую, так и военную, генералом Пепеляевым всё же было принято решение начать активные действия, и этим самым была сделана огромная, непоправимая ошибка, скажу даже больше — роковая”.

A black and white portrait of a man in a military uniform. He is wearing a peaked cap with a band and a high-collared tunic. Two medals are pinned to his chest, and a sword is visible at the bottom right. The background is dark and textured.

Анатолий Николаевич
Пепеляев. 1918 г.
“Его слава была так велика,
что, когда Колчак заболел
и неделю находился
между жизнью и смертью,
общественное мнение
прочило Пепеляева на место
Верховного правителя”.

А. КОЛЧАК. ПЕПЕЛЯЕВЪ

Иван Яковлевич Строд.
1925 г. Человек отчаянной
храбрости, фронтовой разведчик,
полный Георгиевский кавалер.
В 1917 году произведен
в прапорщики. В годы Гражданской
войны — анархист, кавалер трех
орденов Красного Знамени.
Впоследствии литератор, автор книг
“В тайге” и “В якутской тайге”.

Вверху слева: Дом Стродов в Лудзе (Латвия). 1970-е гг. Вверху справа: И. Я. Строд на фронте. 1915 или 1916 г. Внизу: Олёкминск. 1910-е гг.

“Мороз застучал в штаны, — рассказывает участник перехода, проделанного примерно там же и тогда же, но красными, — пришлось разрезать одно одеяло. Куски меха засовывали в ширинки”. Наверняка этот прием был в ходу и у пепеляевцев. Обморожение половых органов — одна из самых распространенных у обеих сторон травм.

У Рейнгардта был один батальон, батарея Катаева без орудий, конный дивизион Цевловского без лошадей и отряд якутов; всего около четырехсот человек. Гарнизон Амги насчитывал полтораста красноармейцев, зато с шестью тяжелыми и тремя легкими пулеметами, не считая автоматов Шоша. У защитников слободы имелось и еще одно важное преимущество: Амга лежала на возвышенности, подступы к ней были открыты и хорошо простреливались.

Единственная ее улица растянулась на две версты, и незадолго до того, как Строд ушел отсюда в Петропавловское, они с начальником гарнизона Суторихиным решили, что удержать село целиком не удастся, нужно сосредоточить все силы в той его части, где находились больница, продовольственные склады, церковь и кладбище. Предполагалось создать здесь узел обороны с укреплениями из каменных надгробных плит, но без Строда этот план так и не был выполнен.

Вечером 1 февраля Рейнгардт остановился в лесу, не доходя пару верст до Амги, дал людям отдых и начал атаку в три часа ночи, чтобы захватить противника врасплох. Приказано было взять слободу “без выстрела”. Сам он остался на месте с адъютантами, двумя вестовыми и Грачевым, который после победы должен был организовать местное самоуправление. Главный политработник Соболев задержался в Усть-Миле. Он имел “тонкий стан”, как в посвященном ему стихотворении писал Пепеляев, и непоколебимое сознание собственной значимости, поэтому передвигался исключительно в санях или в нартах.

Грачев в атаке не участвовал, но понимал, что чувствовали его товарищи: “Вокруг Амги глубокий снег. Местность открытая, мороз 50°, светит луна. Добровольцы рассыпаны це-

СТЕНЫ АДА

1 На второй день после штурма иссяк запас льда, осажденные остались без воды. Раненые просили пить, но не было даже снега. Во дворе его весь вытоптали, отправиться за ним в лес или на алас можно было только в темноте, а когда стемнело, оказалось, что ночь — лунная. Тем не менее трое добровольцев взяли по мешку и выползли за линию укреплений. В “лунной светлой мути” они отчетливо выделялись на белом фоне, по ним начали стрелять. Один погиб, двое были ранены и вернулись ни с чем. В следующей паре одного тоже ранило, второй ухитрился притащить немного снега. Из него натопили и распределили между тяжело ранеными несколько кружек воды.

Под утро луна должна была скрыться за цепью гор, но за недолгое время между ее закатом и восходом солнца три-четыре человека не успели бы набрать столько снега, чтобы обеспечить отряд водой на целый день. У санитаров нашлись простыни, сшили три маскхалата, и всё равно снегоносов заметили, пришлось поддерживать их огнем, пока они, припав к земле, нагребали в мешки снег. Его хватило сварить конину, выдать по две кружки воды на раненого и по одной — на здорового.

“Красные вынуждены были делать вылазки за снегом, в это время их стреляли как куропаток”, — пишет Грачев, состоявший тогда при Вишневском.

Иногда Строд отхлебнул кипяток из кружки и ощутил трупный запах. Санитар признался, что нагреб снег из-под

убитых пепеляевцев, а на вопрос, можно ли пить такую воду, авторитетно ответил: “Можно, все бактерии убиты кипячением”. Строд этот кипяток пить не стал, но “остальные пили, и ничего”.

С продовольствием было не лучше. Взятый из Петропавловского десятидневный запас крупы и муки быстро закончился, печеный хлеб вышел еще раньше. Сена не запасли, в дороге хлебом кормили лошадей и быков. Их туши стали единственным “продовольственным ресурсом”. Подсчитали, что мяса должно хватить приблизительно на месяц, но несмотря на морозы оно скоро начало портиться из-за разлагающихся внутренностей. Туши следовало срочно выпотрошить. В обозе нашлась пила, однако работать можно было только ночью и в лежачем положении. Звук, с которым зубья вгрызались в мерзлое, “твердое, как кость”, мясо, разносился далеко, пепеляевцы начинали стрелять по пильщикам. От пуль их прикрывали мертвые лошади, но работа шла медленно, за ночь удавалось распилить и разделать две-три туши.

Готовые куски не мыли: воду экономили для варки. Процесс приготовления пищи был первобытно прост: шерсть опаливали на огне, обтирали закопченное мясо полкой шинели или тряпкой и опускали в ведро с водой. Единственной приправой к нему была соль. Раз в сутки, часам к девяти-десяти вечера, каждый получал по куску вареной конины и немного бульона.

Раненые, в их числе Строд, помещались в хотоне (хлеве). На двадцати квадратных саженях (около 40 кв. м) лежало до семидесяти человек, а к концу осады — почти сто. Здесь всегда было темно, жир для светильников берегли на время перевязок. Поначалу старались почаще протапливать камелек, это согревало и освежало воздух, потом дрова пришлось экономить. Топили раз в сутки и сжигали не более шести-семи поленьев.

“Из насквозь промерзших углов выглядывает белая борода Деда Мороза, — дорисовывает Строд эту картину. — Оттуда несет холодом, но кому-то приходится занимать и углы хото-

К. К. Байкалов
с женой.

Драматург Анемподист
Софронов-Алампа с женой
и дочерью. Нач. 1920-х гг.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ. СТОЛЯР И ПИСАТЕЛЬ

1 “Обращение к оставшимся за границей офицерам и солдатам русской армии” было опубликовано в харбинской просоветской газете “Вперед”, выдержки из него со злыми комментариями перепечатавали другие эмигрантские издания. Добровольцы Сибирской дружины уже не считались героями, но если слабости рядовых участников Якутского похода по крайней мере сочувствовали, то над Пепеляевым, раскаявшимся на суде и всё равно угодившим на много лет в тюрьму, откровенно издевались; публицист Всеволод Н. Иванов именовал его “каким-то наполеонистым Фигаро”.

“Прожил он свой век при монархии, не понимая ее смысла, и в смутную годину оказался таким же темным человеком, руководимым политическими фантазерами и мошенниками. То, что принес покаяние советской власти, еще не означает, что он встал на ее сторону. У таких людей, не привыкших действовать принципиально, — витийствовал Иванов, вскоре ставший секретным агентом ГПУ в Харбине, — нет сторон. Они — листья, облетающие с дерева дореволюционного российского общества, подточенные червем интеллигентщины”.

Свойственная Пепеляеву зыбкость политических убеждений, его неспособность безраздельно примкнуть к какой бы то ни было партии — черта не столько даже интеллигента, сколько взыскующего Божьего Града русского праведника. Ни жертва “мошенников”, ни тем более авантюрист в стиле

Наполеона или Фигаро, каким Пепеляева изображал Иванов, словно речь шла о трех разных людях, не мог бы, как он, из ледяной якутской бездны в отчаянии воззвать к безответным небесам: “Господи, научи меня понимать благо народное, укажи пути доброго служения Родине, укажи правду, дай твердо идти по пути добра и счастья народного!”

Устрялов чуть ли не единственный написал сочувственную статью о друге, но и в ней говорилось, что “пафоса государственного он вообще чувствовать не умел”, что “суровый дух автократического водительства ему не мог не быть враждебным”, и Пепеляев пал жертвой собственного “поверхностного демократизма, усвоенного из вторых и третьих, да к тому же весьма захолустных рук”; этим объяснялось его недовольство и Колчаком, и советской властью, а то, что в конце концов он принес ей повинную, стало, по Устрялову, таким же следствием непонимания ее природы, как и борьба с ней.

Подобные оправдания Нине Ивановне непросто было отличить от обвинений.

Жёны пепеляевских офицеров — и те, должно быть, считали, что их мужья пострадали из-за ее мужа. Одинокие реплики в его защиту тонули в хоре негодующих голосов.

Нина Ивановна осталась одна с двумя детьми на руках, без профессии, без денег и без надежды на помощь родственников, которые сами еле сводили концы с концами. Оставленную ей Пепеляевым тысячу рублей она давно потратила, единственным ее козырем был диплом об окончании верхнеудинской гимназии. Нина Ивановна пошла работать корректором в газету, потом кто-то из знакомых, Вишневецкий, может быть, по возвращении вновь ставший главой харбинского отделения РОВСа, пристроил ее в управление КВЖД на мелкую канцелярскую должность. Это позволило ей выжить и вырастить сыновей.

Писем от мужа она не получала и не знала о нем совсем ничего. Переписку с семьей ему разрешили только через два года.

Единственный из всех осужденных в Чите, Пепеляев с первого до последнего дня заключения просидел в Ярославском политизоляторе ОГПУ, в просторечии — “Коровники”.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49